

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

АЛЕКСЕЙ МАРКОВ

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Поэма

Р2
М26

«СОВРЕМЕННИК» • МОСКВА • 1973

М $\frac{0742-115}{106(03)-73}$ 93—73

ОТ АВТОРА

Не забыть гордое чувство, охватившее меня — еще подростка, когда в школе я впервые узнал о деяниях Михаила Васильевича Ломоносова. Ученый и поэт, художник и гражданин, «первый русский университет», по выражению нашего Пушкина, Ломоносов не переставал волновать меня долгие годы. Я все сильнее ощущал, как прошла через Ломоносова вся история русского государства, как запечатлелись в нем радости и горести, сила и щедрость народа нашего. И наконец передо мной предстал он как борец за честь и славу своего народа, за чистоту и бескомпромиссность науки. Тогда я взялся за перо.

Мне хотелось показать Михаила Ломоносова не памятником в длинноволосом парике и пышном придворном кафтане, а человеком — во дворце и лаборатории, дома и на улице, — ошибающегося, горячего, падающего, вновь поднимающегося, чтобы завершить нелегкую программу своей жизни.

Впервые поэма «Михайло Ломоносов» была опубликована в журнале «Огонек» более пятнадцати лет назад. И с той поры идут и идут письма читателей, которым мой труд оказался близок. А это — большое счастье писателя!

Кто-то из мудрых говорил, что только тот настоящий поэт, кто сможет усовершенствовать свою нацию. Ломоносов был именно таким поэтом — и в науке, и в искусстве, и в литературе, и в гражданских воззрениях. Я считаю, что вчера, и сегодня, и всегда мы должны говорить о Ломоносове, ибо он относится к числу тех, кто сердцем и умом укреплял дух народа, будил его к новым свершениям.

Алексей Марков

ХОЛОДНАЯ МОСКВА

Из обшивней широкий, дюжий
Детина вылез, и притих,
И огляделся неуклюже,
Смахнул солому с плеч своих.

Рассвет белесый прорезался,
Зажглись местами огоньки,
Лениво город просыпался,
Сгружали рыбу рыбаки.
Еще вчера, когда стемнело,
Пришли с обозом на базар.
И вот теперь пора за дело —
Кажи лицом морской товар.

И на ночь запертые плотно
Хмельные двери кабаков
Зевали изредка дремотно,
Глотая зяблых мужиков.

Старик, сосед по Холмогорам,
Руками жесткими стуча,
Приблизился к Михайле: — Скоро
Ты обратишься в москвича.
Гляди, да станешь барин грозный,
Забудешь, где и кем рожден!.. —
Потом подумал и серьезно
Добавил на прощанье он:
— Пришел не к батюшке родному,
Ты никому не нужен тут...
Ходи всю ночь от дома к дому —
Нигде приюта не дадут.
Вот кулебяки, пригодятся!
Бери же, что за разговор...
Еще придется поскитаться,
Но ты держись: ведь ты помор!
...Домой вернемся, в Холмогоры,
И за тебя влетит еще...
Ответа не найдя помору,
Котомку вскинув на плечо,
Пошел Михайло Ломоносов,
Сдержав рыдание с трудом.

Трещат деревья от мороза,
В снегу, как в шубе, каждый дом
У тех, в чьих сундуках излишек,
На окнах отблески зари,
А дальше — низкий ряд домишек,
Бычачьи в рамах пузыри.

Москва! Как шапка, Кремль над нею
В морозном ясном хрустале.
Шагай, Михайло, посмелее:
Ты дома, на родной земле!
Пошире плечи, ты — хозяин,
Иди Москвою в полный рост!
...Ворон крикливых вьется стая,
Река во льду и Спасский мост...
Печатный двор, библиотека[1]...
Михайло на крыльце, в углу,
Чтобы очиститься от снега,
Привычно поискал метлу
И, не найдя ее, руками
Бахилы мерзлые обмел.
...Завалены столы томами,
Загроможден томами пол.

Владелец дома Киприянов
Пришельца встретил с добротой:
— Учиться никогда не «рано»!
Входи же, у дверей не стой...
Поближе к печке... —
                                    И подкинул
На тлеющие угли дров...
Из шкафа новый атлас вынул:
— Читай и духом будь здоров.
Как видно, издалёка? Пришлый?

[1] Киприянов называл свою книжную лавку «библиотека» — на иностранный лад.

К науке тянется душа?
— Из-под Архангельска я.
— Ишь ты!
С таких не брал я ни гроша!

Петра Великого Россия
Из атласа предстала вдруг.
На карте вехи заводские
И рудников значки вокруг.
И радостно Михайле стало:
«Авось, не будем на поклон
Ходить, как сотни лет бывало,
К соседям нашим за кордон».
Кому другому, а помору
Известно с детства, что леса —
Земли могучая краса —
Шли под топор, да без разбору.
Потом грузились корабли
Добротным ароматным тесом.
Взамен
отсталым, диким россам
Гребенки дамские везли.

...Зимою вечереет рано,
И Киприянов свет зажег.
Мигал у плошки беспрестанно
Огня багровый язычок.
— А на дворе как завывает,
Теперь до утра будет месть...
— Плохой погоды не бывает,
Плохая лишь одежка есть! —
Хозяину помор ответил,
Склонившись низко над столом.
Хозяин про себя отметил:
«Видать, верзила сей с умом!
Но поздно, кажется, наукам
Приехал обучаться он.

Ученье — не простая штука,
Отнимет аппетит и сон.
А этому жениться впору».
Вдруг в свете, зыбком и кривом,
Тень показалась от помора,
На редкость схожая с Петром.
И Киприянов почему-то
Перед Михайлой оробел.

Холодный ветр с тоскою лютой
В закрытом дымоходе пел.

САМЫЙ РОСЛЫЙ

С церковкой зданье на Никольской —
Всегда насуплено оно.
Со стен облупленных известка
На землю сыплется давно.
Сюда не проникает солнце,
И ледяной в июле пол,
Глядят бойницами оконца —
Вот помещенье Спасских школ.
На длинных заскорузлых скамьях
В потрепанных полукафтаньях,

Нахохлившись, как старики,
Латынь долбят ученики.
Они воды стоячей тише,
Сидят, простуженно сопя,
Свинцовой палочкою пишут,
Поджавши ноги под себя.
У смрадной и холодной стенки
На твердый, высохший горох
Поставлен дерзкий на коленки:
Напал, вишь, на молитве чох!
...По голым ягодицам, слышно,
Как ходят розги — рядом класс.
Старославянским штилем пышным
Монах гнусавит битый час.

Лишь наступил конец урока,
Поближе к солнышку, во двор
Все устремляются потоком.
Откуда только и задор!
— Сломаешь, Ломоносов, дверку!
— А голова цела, проверь?
— С Михайлы снять бы надо мерку
Пред тем, как делать эту дверь!
А он несдержанно и пылко
На шутки злился, и орал,
И на пылающем затылке
Ладонью шишку растирал.
— Пришел латыни обучаться
Детина в двадцать с лишним лет...
— Он, может, русский наш Гораций?
Он, может, первый наш поэт?
Ни разу калькулюс[1], однако,
Повесить не пришлось ему.

---

[1] Калькулюс — бумажный свиток, вешался на шею ученикам, которые делали ошибку по-латыни.

Всегда у нас висит, собака, —
Другой ответствовал тому.

На зиму повернуло. Камень
Иль просто затвердевший ком
Не только не возьмешь руками,
Но не собьешь и каблуком.
К пруду галопом устремились
Ученики от Спасских школ
И в стаю белую вклинились.
Ну и пошел, ну и пошел!
И перья рвут из крыл гусиных,
Дерутся, крик, переполох!
— К шутам всю вашу писанину,
Убрал бы вас отсюда бог!
Ух, как бы я вас, окаянных! —
Сжимала бабка кулаки.
Но молча с перьями в карманах
Победно шли ученики.

ХМУРЫЕ ДНИ

У стен Кремлевских торг в разгаре,
Здесь горы лакомств на лотках...
Оладьи, сбитень, мясо жарят
И окликают, что ни шаг:
— Коль жить хотите вечно, люди,
Хоть раз отведайте мой студень!
— В Кремле такой не ели блин.
А ну, откушай, господин!
— Гроши — не рублики,
Берите бублики!
— Пьянее браги в мире нет,
Пей брагу и живи сто лет! —
Неслись, искрясь, прибаутки
И перцем сдобренные шутки.

Как пчелы в улей,
на базар
Спешил с утра и мал и стар.

Пришел сюда и Ломоносов.
Его привел и хлад и глад.

На лакомства глядел он косо,
Спешил пройти «обжорный» ряд.
«Живот, живот, тебя бесстыжей
Еще не видел белый свет!
Чем власть твоя, нет власти ниже,
И все же выше власти нет.
Ты засылаешь на дорогу
С ножом наточенным убийц.
Ты заставляешь верить в бога
И падать перед сильным ниц.
Скажи, кому такой ты нужен?
Сосет под ложечкой червяк!..»
Михайло стягивал потуже
На животе своем кушак.

Родные Холмогоры вспомнил,
Со ставнями резными дом,
Церковку с белой колокольней
И тучи с моря над селом.
Сейчас там топят жарко печи,
И мачеха уху варит,
Отец, всегда скупой на речи,
Угрюмо что-то мастерит...
И умывается примерно
С мурлыканьем довольный кот.
Отец следит за ним, наверно,
Чтоб знать, откуда гость придет.
Живи себе, забот не зная!
А лососины сколько там!
К тому ж (ухмылка озорная
Скользнула по его губам),
К тому ж, красивая невеста,
А стать!.. Аж дрожь, какая стать!
Так нет же, в Холмогорах тесно,
Пришел в Москву поголодать.
Отвел его от мыслей кто-то:
— Эй, ты, послушай, здоровяк!

Погреться хочешь? Есть работа.
Получишь за нее медяк.

...Михайло сиял полукафтанье,
На руки плюнул раз-другой,
Занес под общее внимание
Легко топор над головой.
Михайло крякнет — и полено
Вразлет! И снова ловкий взмах!
Береза белая, как пена,
И от нее рябит в глазах.

Рубаху выжимай на нем,
А он играет топором.
«К чертям медяк! Тут вдохновенье!»
Навалом высятся поленья...
Хвалили: «Молодчина, брат!» —
Березу брали нарасхват:
Уж больно колото красиво.
Хозяин торговал счастливый.

Михайло выпрямился. Взмок.
Купил он пожирней пирог.
Съел и запил зеленой брагой.
Так вот они, земные блага!
Учитель Постников Тарасий
К нему с упреком подошел:
— Надень-ка шапку, жарко разве?
Простудишься! Нехорошо! —
Михайло встал пред ним.
Ответил:
— Для мира небольшой урон!
— Опять за разговоры эти... —
Вновь чем-то, друг мой, удручен!
Ну да, понятно, трудновато!
И не опустишь все же рук!
Пришел на землю ты солдатом,

А это нелегко, мой друг!
...Вот с топором неосторожен:
По взмахам догадаться можно,
Что никакой не дворянин,
А мужика простого сын...
Михайло вспомнил, как пришел он
В Москву, надежд великих полон,
И вдруг: «Не дворянин ты? Нет?
Тебе наук не нужен свет».
И он, ни разу не солгавший,
Сказал им: «Дворянин я, как же!»
И порешил монах-старик:
По знаньям видно, не мужик.
— Ведь я и вам солгал, учитель...
Конечно, врать нельзя, простите!
— Коль для России — свята ложь:
Тут не обманешь — не пройдешь!
Лишь тот помочь народу может,
Кто силы все свои положит,
Кто им рожден, с ним вместе рос
И тот же крест тяжелый нес. —
Счищал Тарасий палкой толстой
С сапог налипнувшую грязь.
— И я в Москву попал не просто,
Фортуна нелегко далась...
Я шел сюда из дальней дали...
Михайло, слушай старика:
Мы чужеземщине продали
Россию нашу с молотка.
Сидят антихристы на шее,
Им все, а русским ни шиша!
Видать, от матушки-Расеи
Всегда в чужих руках вожжа.
У поселян глаза не зрячи,
Зарылись в землю, как кроты.
Лишь побранятся, лишь поплачут...
Кто им поможет, как не ты?

...Стояли сиротливо клены,
Остаток листьев растеряв.
Тарасий шел разгоряченный,
Михайлу дергал за рукав.
Не соглашался Ломоносов:
— Сие — дела Петровых рук.
Когда б не чужеземцы, россам
Не знать бы мудрости наук.
— Согласен, есть из них такие —
Пришли помочь от всей души.
Но многие живут в России,
Чтоб легче делать барыши. —
...Уже заметно вечерело.
Тарасий спохватился вдруг:
— А как с ночлегом, плохо дело?
Пойдем ко мне, Михайло, друг!

ПРОСЕЛОЧНЫМИ ДОРОГАМИ

Прошел Михайло Ломоносов
Пешком из Киева в Москву[1],
И все, что видеть довелося,
Вставало, словно наяву.
Уже который день виденья
Роились живо перед ним:
Секут крестьян в глухих селеньях,
Ломают руки молодым.
Пыль поднимая по дорогам,
В Сибирь колодников ведут,
Что, лихом поминая бога,
На память горсть земли берут.

---

[1] Ломоносов некоторое время учился в Киевской академии.

Вот он, мужик в рубахе рваной,
В ногах как будто бы свинец.
Он, в смерти с голоду у пана
Чуть не нашедши свой конец,
Пошел по свету бородатый,
Сирот-детишек взял с собой:
«А может,
                есть богаче хаты
В белесой дымке за рекой?»
Но так судьба, видать, хотела:
Он пойман и лежит в пыли,
Берется сотский сам за дело,
Велит, чтоб насмерть засекли...
Другим, мол, неповадно будет
Бежать из сел невесть куда.
И ахают, шатнувшись, люди
Под посвист гибкого прута.
Иссечено большое тело,
Лежит под каменной стеной,
Да слышны крики то и дело:
— Ой, тятька, тятенька, родной! —
И на детишек глянет, глянет
Отец:
        — Не плачьте, я-то жив... —
Их держат строгие крестьяне,
На плечи руки положив.

От этих не уйдешь видений,
Когда ты русским родился!
Всех непокорных — на колени,
Иссечена Россия вся,
Расставлены повсюду уши,
И слова против не скажи:
Язык укоротят, подслушав,
Не зря за поясом ножи.
Чуть что, тебя на дыбу вздернут
Иль ноздри,
осердясь, порвут,
Чтоб стал ты наконец покорным,
На божий положился суд.

Дворяне с деспотом курляндским
Сдирали шкуру с россиян...

А во дворцах, как будто в сказке,
Шумел веселья ураган...
Вельможные кружились пары,
Духов и пота аромат.
Гавот из окон лился старый,
В Европе взятый напрокат.
Здесь песни русские не впору:
Они — мужицкий тяжкий стон,
Они — протяжный вздох, в котором
Угроза сдунуть царский трон.

И слитками червонной крови
Вывозят золото дельцы.
Лишь у крестьян суровей брови,
Лишь ненавистнее дворцы!

Куда уйти от сих видений?
В ночах преследуют они,
И окровавленные тени,
Как траур, затемнили дни.

О Родина, да почему же
Повсюду слышен тяжкий стон?
Тебе ответ сегодня нужен?
Уже годами зреет он.
Ты простодушна, ты богата.
К тебе идут со всех концов.
Блюдя законы дружбы свято,
Всех принимаешь ты без слов:
Берите серп и тяжкий молот,
Хлеба косите, куйте сталь,
Взрастите сад, постройте город,
Живите! Места ведь не жаль!
И мало ль желтокожих,
черных —
Твои сегодня сыновья!
Они стоят у самых горнов,
Где сила множится твоя.
Но есть иные иноземцы:
Хотя о родине кричат,
У них в груди стучит не сердце —
Костяшки счетные стучат.
Зачем им знать, как деды наши,
Отцы
работали в поту,
Ночами не сходили с пашен,
Дабы земля была в цвету?
А те дорвались, рады очень!
«Какие пышные корма!»
И вот ломают, губят, топчут,
Суют за пазуху, в карман...

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Судьба, как горная дорога,
То вверх, то вниз бежит она.
Помор с Москвой простился строго.

И вот кремлевская стена
Осталась за спиною где-то...
Бескрайний тянется пейзаж.
Поля в январский пух одеты...
На них посмотришь — все отдашь,
Чтоб никóгда не расставаться

С дыханьем ветровым земли,
По-русски плакать и влюбляться,
Куда б года ни занесли.

Михайло в Петербурге чинном,
Он в Академии наук,
Коротким днем и ночью длинной
В трудах не покладая рук.
Все, что открыто, знаменито
С рожденья мира, изучи:
От будущих времен сокрытых
В прошедших днях лежат ключи.

И все Михайле мало, мало —
Так воду жаждущие пьют.
Казалось, знаний не хватало,
Пробел, глядишь, то там, то тут.
И в край загадочный и дальний
Плывет Михайло кораблем.
Веселой чайки взмах прощальный
И к горлу подступивший ком...

Трава, цветы... Все, как в России!
И солнце плещется в ручьях,
И эти косы молодые
Златою цепью на плечах...
Все, как в России, и не схоже...
Елизабет! Всегда, всегда
Тоской по дому я встревожен,
Ее не выветрят года.
Как будто сердце схоронили
Мое в земле далекой той...
И я лечу туда без крыльев,
Лечу сыновнею мечтой,
Меня здесь нет. Я там, в Хотине.
Где бьются русские войска...
Победа трудная близка,

Рожденная в крови и в дыме.
«Крепит отечества любовь
Сынов Российских дух и руку;
Желает всяк пролить всю кровь,
От грозного бодрится звуку.

. . . .

Шумит с ручьями бор и дол:
Победа, Росская победа!
Но враг, что от меча ушел,
Боится собственного следа».
— Ну как, скажи, Елизабет,
Написанная мною ода? —
А в девичьих глазах в ответ
Горит лишь ясная погода;
Да руки сильные его
Лишь гладит девушка да гладит.
Ей не понятно ничего —
И все поймет Михайлы ради.
А может, в том вся красота,
А может, в том и высота:
Глядеть, глядеть в глаза любимой,
И пусть идут заботы мимо!
— Родная девочка, — и ввысь
Ее подбросил Ломоносов. —
Вот зацелую, берегись,
Моя невеста златокоса... —
Но сумрак налетел опять,
Легло за тучу солнце будто.
Кого-то начал он ругать
По-русски солоно и круто:
— Доколе будет в мире так? —
В саксонских рудниках богатых,
Спустившись в подземельный мрак,
Трут малолетние ребята
Вручную твердую руду
И старятся до срока, в двадцать...

Не сделать терку-ерунду,
Детишкам чтоб не надрываться!
Нет часу рыцарям наук:
Они охотятся за ведьмой,
Под дробный барабанный стук.
Потом сожгут ее немедля...
Про ведьму пишутся тома,
Про то, как стать умеет кошкой,
Как может проникать в дома,
Влетая мухою в окошко...
Какое нищенство ума!
И что ни шаг, то мракобесы.
Царит повсюду глушь и тьма,
Идешь как будто диким лесом.
И рядом, здесь, не где-нибудь,
Живет сияющий, искристый,
Способный мир перевернуть
Своею песнею лучистой,
Почти неоцененный Бах,
Чья музыка гремит в веках.

...Все это вижу я у вас.
Не лучше и в моей России.
Хотел бы я с закрытых глаз
Сорвать повязки вековые.
И слово новое пускай
Через моря летит синицей,
Избави бог, чтоб пропуска
Вменили слову на границах!
Ей-ей, тогда нас засмеют,
Того гляди, с другой планеты.
Ужель земной разумный люд
Заслоны будет ставить свету?!
Для вас, потомки всей земли,
Не пощажу сегодня силы,
Хочу, чтоб дальше вы пошли
И тем спасли нас от могилы.

Безмолвно шла Елизабет,
С ромашки лепестки срывала,
Гадала, любит или нет,
А если любит, может, мало?
— Выходит, зря приехал ты,
Михаль Васильич, за границу,
И здесь довольно темноты? —
Она спросила и ресницы
Так удивленно подняла,
Что объяснить ей захотел он:
Мол, здесь в теории тепла
Немалый путь уже проделан...
«Соборы, — молвить думал ей, —
Такие, что пред ними сразу
Становится душа добрей,
Спокойней и светлее разум.
Что говорить, умна Европа,
Здесь поучиться есть чему,
И надо б всем ученым скопом
Развеять вековую тьму».
...Но вместо этого привлек
Ее, что девочкой казалась,
Она, как тонкий стебелек,
В руках широких затерялась.
— Нет, нет, не зря приехал я,
Такую отыщи, попробуй,
Дитя мое, жена моя,
Помощница моя до гроба!..

ЯЗЫК ВРАГОВ

«Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой...
Вещает ложь язык врагов,
Уста обильны суетою,

Десница их полна враждою,
Скрывают в сердце лесть и ков...
Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти:
Их речь полна тщеты, напасти,
Рука их в нас наводит лук», —
Будил стихами Ломоносов
Холодный город на Неве,
Где приходилось горше россам,
Чем в белокаменной Москве.
Здесь не привыкли, чтоб ученым
Вдруг стал бы русский человек.
Живет мужик непросвещенным
И будет жить из века в век.
Да и зачем ему науки?
С него довольно «Отче наш».
Привыкшие к оглобле руки
Не сдержат тонкий карандаш.
Так рассуждали иностранцы,
Что русский хлеб не ели «зря»:
Учили европейским танцам
Вельможных дам, дворян, царя...
Мы, дескать, вместе с вами пашем,
В труде не покладая рук,
Но только в поле пашня ваша,
А наша — в области наук.

И ты порой, народ мой, верил,
Себя той верой оскорбя:
В науку царственные двери
Не по уму, не для тебя.
Но и не верить невозможно,
Когда пестрят страницы книг
Давнишней выдумкою ложной,
Что мыслить русский не привык.
Другое дело — бойни, войны...
Там хватит русского ума,
Россия похвалы достойна:
Со всеми справится сама.
Ах, серы волки! Там, где нужно
На поле битвы кровь пролить,
Жизнь положить в руках с оружьем,
Не прочь и русских похвалить!

И, может быть, в веках впервые
Пришел он и воскликнул: «Нет!
Иной мне видится Россия,
Над нею близится рассвет.
...Народ мой в силах доказать,
«Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать!»

...«Дождешься у меня, Шумахер!»[1]
Михайло входит в кабинет.
Как зайцы,
заметались в страхе
Глаза мужчины средних лет.
Он предлагает жестом кресло,
Одетое в зеленый плюш,
Придвинул вазу сверхлюбезно:
«Отведайте заморских груш!»

[1] Шумахер — начальник академической канцелярии.

Но багровеет Ломоносов,
И это нехороший знак.
— Я к вам по важному вопросу.
Доколе будет длиться так?
Я занят нудной перепиской
Бумаг, чужих ненужных клякс.
— А неужели это низко,
Михал Васильевич, для вас?
Что, выпачкать боитесь руки?
Бумаги те нужны стране!
— Не для того прошел науки,
Чтоб этим заниматься мне,
Сгибать колени раболепно,
Ученую завидев знать.
А что стране моей потребно,
Не вам, а мне, простите, знать! —
Географическою картой —
Предельной роскоши пример —
На стенах шкуры леопардов,
Не скрипнет пол в мехах пантер.
Вот переплет:
«Петр Первый начал...»
И дальше:
«Анна совершила».
Шумахер книгу предназначил
Для той, что над страной царила,
Пока царевич Иоанн
(Какой царевич — мальчуган,
Ему лишь год от роду было!)
У мамок набирался силы...
В новинку типографской краской
Оттиснут твердый переплет.
Надеялся: в палате царской
Его он Анне поднесет.
Поднялся с места Ломоносов:
— Так-с, на коленках, и в чины!
Все подхалимство, все доносы.

В таком вы все наторены!
— Потише, это же крамола,
Правительница — наш кумир!
— Шумахер! Помолчите, полно,
Кто даст вам больше, тот и мил!
Но вы, ей-ей, Шумахер, правы.
Когда бы не характер ваш,
Вам ни почета бы, ни славы,
Не кабинет сей, а шалаш.
Кому не суждено таланта,
Тот едет на таком коньке
И носит царственные банты,
В ученом ходит парике.
— Вы кто такой? Прошу помягче!
(Как жаль, что в оны времена
Вот для таких сынов горячих,
В ком пламенем душа полна,
Не завели магнитофона!
Схватить крамолу на язык,
Чтоб впредь он противузаконно
Глаголать,
сатана,
отвык!)
Михайло яро дверью хлопнул,
И штукатурка с потолка,
И задрожали, дзинькнув, окна...
«Ну и помор, ну и рука!»
Михайло, поостыв немного,
Давай себя бранить да клясть,
Идя Васильевской дорогой:
«Я над собой утратил власть!
Ах, дьявол, и зачем я лезу
С отродьем этим на рожон!»
И по ограде, по железу
С досадой палкой стукнул он
И, пальцы осушив ударом,
Рукою долго шевелил.

Вдали пылал закат пожаром,
На окна свет пурпурный лил.

Недолго продержалась Анна.
Подняв своих гвардейцев в ночь,
На трон взошла в наряде бранном
Елисавет, Петрова дочь.
И много было упований
На дщерь великого Петра:
Вздохнут всей грудью россияне,
С плеч русских свалится гора.
Не даст родимая царица
На поруганье свой народ.
На свете ни одна орлица
Орлят врагу не выдает.
Царица под крылом сначала
Пригрела не одних вельмож, —
Всех россиян, кого, бывало,
Не ставил Бирон даже в грош.
Когда на кафедру Шумахер
Пройдох изысканных тащил,
Она клеймила на бумаге
Их имена крестом чернил.
И как бы ей ни говорили,
Что иноземец — царь наук,
И что его не раз крестили,
И он в труде не сложит рук:
— А русских нету? — отвечала.
— Да... есть, но в званьях
слабоват,
Осведомлен в науках мало,
А тот ученей во сто крат.
— Нас не оставит россиянин
В невзгодах, горестях, как встарь,
Коль грамотен, положит знанья
На государственный алтарь.

Не превратится у царицы
Рука в опору мужиков.
Царице важной не годится
Тянуть в вельможи простаков.
И не на много лет хватило
Ее заботливых щедрот,
Как вспомнила, так и забыла
Елисавета про народ.
И по ступенькам вверх дворяне
Шли беспрепятственно одни.
Не зря с Елисаветой к Анне
Той ночью ворвались они.
Из рук хозяина
добычи
Псы вырывали часть свою:
«Когда им не дарить отличий,
Как знать, на царстве ль устою!»
Почуяла Елисавета,
Что может быть конец плохой.

Совсем не ведая про это,
Крестьянин плелся за сохой...

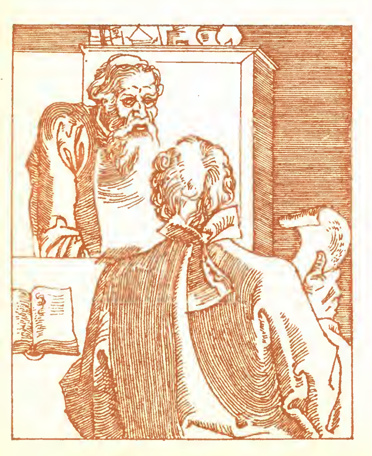
К пришельцам, не любимым ею,
Не много длился царский гнев.
Он погашен густым елеем.
От ласк смирнеет даже лев.
Ее мудрейшей в этом мире
Они считали на словах,
По ней настраивали лиры
И воспевали всякий шаг.
Решила русская царица:
«Они, как ангелы, милы.
Жестоко можно ошибиться...
Порою мы бываем злы!
Не без того, конечно, много
Плутов и торгашей средь них...

Но Русь — проезжая дорога,
Тут встретишь добрых и худых!»
Шумахер случая такого,
Конечно, пропустить не мог.
Он поспешил к царице новой
И у ее склонился ног.
Подарок, что готовил Анне,
Вручил теперь Елисавет:
Копаться в нем никто не станет,
Исторья поглотит секрет.
Лишь надпись он переиначил,
И книга так теперь гласила:
«Петр Первый начал.
Елисавета совершила...»

ДОРМИДОНТ

При Академии наук
Прилежно исполнял работу
Кривой и высохший, как сук,
Служитель. Вечно он в заботах...
Никто и слова от него
Вовеки не слыхал, пожалуй,
И не хвалил он никого
И не хулил. Так, жил помалу...
И только глазки в глубине,
Из-под бровей седых, дремучих,
Блеснут, как озерца, на дне
Оврага, если глянуть с кручи...
Но разве кто на них глядел!
Кому какое было дело,
Ел Дормидонт или не ел...
...Лишь только б печь в морозы пела,
Лишь только б, пальцем проведя,
Пыль не нащупать на перилах

И после сильного дождя
У здаиья ход не иаводнило.
Служил за совесть, ие за страх.
Копаясь с веиником в углах,
Найдет бумажку ои, бывало,
Увндит буквы... «Труд иемалый!»

Расправнт бережно в руках:
«Кто, может, броснл по ошибке?!»
С ней в канцелярню скорей.
И от насмешливой улыбки
Потом неловко много дней.
Но Дормндонт неузнаваем
Для самого себя бывал:
И лед на сердце сразу таял,
И все обиды забывал,
Коль с Ломоносовым сндел он,
Богатый мыслью, словом скуп.
Старнк не говорнл не дело.
Негоже наводить тоску!
— Вндал я здесь, Михайло, всякнх.
Как ты, прнходит молодой,
Охоч до правды н до дракн,
Горяч, хоть заливай водой.
Да что же, мол, в своей Росснн
И места не хватает мне?
Повсюду властвуют чужне,
А я, хозянн, в стороне!
И здесь его поддержат даже,
Кнвнут с улыбкой головой,
А меж собой, сойдяся, скажут:
«Такнх встречать нам не впервой!»
И нет его, Бойца, не стало.
Одним ударом сбнли с ног.
Ты мудрым змнем будь
н жало
Не обнажай, пока не срок.
Окрепнуть надобно вначале,
Собрать друзей, собрать в кулак!
Потом за то, что вы молчалн,
Ударить так, ударнть так!

Мнхайло слушал н не спорил.
Жал крепко руку, уходя.

Рука узластая, что корень,
Проживший долго без дождя...
И становилось легче как-то.
Помор давал себе зарок
Все делать осторожно, с тактом.
Но слова выдержать не мог.

Не в том ли гордое величье,
Что ты, как луч от солнца, прям
И что лукавое двуличье
Вовеки не пристало нам?
Но и беда твоя не в том ли,
Что ты не гнулся никогда.
Что выходил один ты в поле,
Где супротив тебя орда?..

ПРИЗНАНИЕ

Один идет на землю эту,
Чтобы не знать покоя век,
Чтобы, сгорая, вспыхнуть светом,
Назваться гордо — Человек.
Другие — исстари ведется, —
Хватаясь цепко за него,
Мешая всюду, где придется,
Не значат сами ничего.
Они привязаны, как гири,
К ногам могучего пловца,
Что по широкой водной шири
Плывет,
а морю нет конца.

...Шумахер понимал Теплова,
Хотя разнился их язык,
Со взгляда одного, с полслова

И с ним делиться всем привык.
И, встретясь, каждый раз, бывало,
Вздыхали горестно друзья:
— С помором нам хлопот немало,
Так дальше оставлять нельзя!
Подумайте, какого мненья
Он о себе, простой мужик!..
Видали: объявился гений,
Вчера лишь натянул парик.
Ему ничто авторитеты
Са́мой Европы... Ну, простак!
Е́му б молиться на портреты
Того, кто популярен так.
Поше́л бы целовать им руки,
Пред ними голову склонил.
Ягненком робким в храм науки
Великий сам Ньютон входил!..
Теорию Робе́рта Бойля,
Светила изо всех светил,
Зачатком только — и не боле —
В своей работе объявил!

В дыму, в чаду лабораторий
Стоит верзила с молотком!
Вчера я жарко с ним поспорил,
Не будь, сказал я, чудаком.

Коль ты ученый, ты обязан
Работать больше головой.
Не мускулы, а светлый разум
Ты развивал бы...
                    Боже мой!
Такою бранью он ответил,
Как только могут мужики!
Нам, говорит, работы эти
С Петром прославленным
                    с руки!

Послушайте, Теплов, асессор,
А ну-ка, мы научный труд
Адъюнкта так, для интереса,
Да к Эйлеру пошлем на суд![1]
Уверен, скажет: «Рановато
Помору лезть в профессора».
А что заметит Эйлер, свято,
И, кстати, с наших плеч гора

Всегда какими-то путями
Студенты знают обо всем,
Что за закрытыми дверями
Сказал такой-то о таком,
Какой проштрафился профессор
Там, в канцелярии, и в чем,
И не лишается ли веса
В сенате сам Теплов еще!

Известно им, что Ломоносов —
Профессор без пяти минут,
Да ставят палки все в колеса,
Все тормозят то там, то тут.

---

[1] Леонард Эйлер (1707—1783) — великий математик, физик и астроном, член Петербургской и Берлинской академий наук.

Другой бы химия предстала:
Уж он-то знает свой предмет,
Как он, таких на свете мало,
Таких в России больше нет!
И как-то в вестибюле тесном,
Толпою юной окружен,
Так пылко о стекле чудесном
Рассказывал студентам он...
Глаза сияли, весь искри́лся,
Как будто он в своей любви,
От коей много лет томился,
От коей жаркий зной в крови,
Решил сегодня объясниться.
И все внимали горячо.

...Но как преобразились лица,
Когда стихи он им прочел:
«В земное недро ты, Химия,
Проникни взора остротой,
И что содержит в нем Россия,
Драги сокровища открой...»

Тут подвернулся и Шумахер,
Толпу студентов оглядел,
Михайле голосочком птахи
Проговорил он, как пропел:
— А вы еще ведь не профессор,
И нету кафедры у вас... —
Михал Васильевич отрезал:
— На ваш надеюсь смертный час!.. —
Студенты прыснули некстати,
Шумахер был вконец взбешен.
— У вас есть свой преподаватель.
А ну-ка, вон отсюда, вон!

С каким злорадством распечатал
Шумахер Эйлера пакет.

Чье мненье для учеиых свято,
Кого почетней в мире иет!
«Сего адъюикта берегите.
Труд Ломоиосова велик.
Да ои по зиаиьям — мой учитель,
А я всего лишь учеиик.
Не токмо хороши — отмеииы
Сии писаиия его.
Все объясиимо во Вселеииой,
Сверх силы нету иичего.
Достойио мысли он продолжил
Тех, кто ушел, кто ие успел.
Ои уточиил и подытожил,
В суждеиьях дерзок ои и смел...
Жаль, что умершие не могут
Иным живущим закричать:
— Не смейте закрывать дорогу,
Да это ж мы идем опять,
Чтобы свое продолжить дело,
Но мы в обличии ииом,
Мы перешли в другое тело,
Живем в талаите молодом».

— Что тут поделаешь, бывает...
Сам Эйлер промахиуться мог,
Его талаитом иазывая...
Ну что попишешь:
«Эйлер — бог»!

Михайло повстречал Теплова,
И по тому, каков поклои,
Как было высказаио слово
И был каков при этом тои,
Отличио поиял Ломоиосов:
Идут иа лад его дела,
Пускай ииые смотрят косо,
Не их, а иаша все ж взяла!

«ЗЛОЙ» ПОМОР

Был Ломоносову соседом
Седой ботанник Сгнзбек.
Любнл посплетннчать в беседах,
Но, в общем, добрый человек,
Скорей, нн рыба н нн мясо...
Да суть не в нем, а в сыновьях,
В трех братьях, рослых лоботрясах,
Что сеялн в округе страх.
Лишь на копейку парни выпьют,
А, поглядишь, пьяны на рупь...
Окно, задравшнсь, камнем выбьют,
Гоняют кошек, детвору...

...И как-то утром объявилнсь
В академнческом саду[1],
Бранясь, копытилн, носнлнсь,
Ломалн ветки на ходу.
Глядел Михайло нз окошка,
Как пьяные топтали сад, —
Похож он на страну немножко
Во власти варваров-солдат...

А в этот самый час, под вечер,
Шумахер с Таубертом шлн
И государственные речн
Неторопливые велн.
— Да, это верно, Ломоносов, —
Однн другому отвечал, —
Во все дела суется носом.
Хоть в чем-нибудь бы помолчал.
— Мешает нам в большой работе, —
Другой со вздохом говорнл, —

[1] Академнческий сад — ботанический сад («огород») Академии наук.

Явился новый Аристотель!
Закон открыл, закон закрыл...
Нам это хорошо знакомо...
Его еще научит жизнь!

У ломоносовского дома
Вдруг чьи-то крики раздались.
Друзья пройти хотели мимо,
Но почему-то не смогли.
Один воскликнул:
— Нестерпимо!
Да эти парни хуже тли...
Растенья топчут из Китая!
Какой погибнет огород!
Остановить разбой желая,
Уже открыл Шумахер рот,
Но... тут в окошке — он увидел —
Михал Васильевич стоял.
Толкнул соседа: — Пусть он выйдет,
Устроит, может быть, скандал...
Горяч помор, в нем много дури...
Такие все здесь мужики.
Скорей отсюда. Будет буря!
Пойдет «ученый» в кулаки! —
Поняв друг друга с полуслова,
Хихикнув, отошли они.
— Считай, что дельце тут готово!

Ои ие бежит еще? Взгляии!
...Какой покой теперь в покоях?
Михайло выбегает в сад...

И на земле лежат все трое,
Все: старший, средиий, младший брат.
И просят у иего прощеиья...
Ну что ж, и быть бы по сему...

Схватив тяжелые полеиья,
Собратья тут грозят ему.

Оглоблю выдериул, иеистов,
Михайло и, как тот Буслай,
Оглоблею взмахиул со свистом:
— Кто храбрый! Пробуй, иаступай!

...В академическом задоре
Учеиые крнчали с мест:
— От Ломоиосова нам горе!
Его иемедля под арест!

...Не покидал ои в иаказаиье
Под стражей комиаты своей
И на учеиые собраиья
Не смел являться миого дней...
Но что поделаешь?
Ничтожио
В его защиту голосов.
Иной к тому же осторожно
Закроет губы иа засов.
Был в стороне Тредиаковскнй:
Подальше, дескать, от греха,
Откуда знать, в быту каковскнй
Протнвннк моего стиха!

Один лишь неподкупный Рихман
Ученых к совести призвал:
— Ведь знаем лоботрясов сих мы...
Не токмо сердце — и металл
Был доведен бы до каленья,
Когда бы видел, как они
Топтали ценные растенья,
Точь-в-точь татары в оны дни... —
И, может, Рихману обязан
Михайло тем, что не секли
Его, не давшего ни разу
Порочить честь своей земли.

Но как и с кем сравнить Теплова —
Академическую мышь?
Припомнил поступок новый:
— Мол, мне сказал он: «На те шиш!»
Не помню точно обстоятельств,
Но помню, это было здесь.
И снова уронил ты, братец,
Ученого святую честь!..

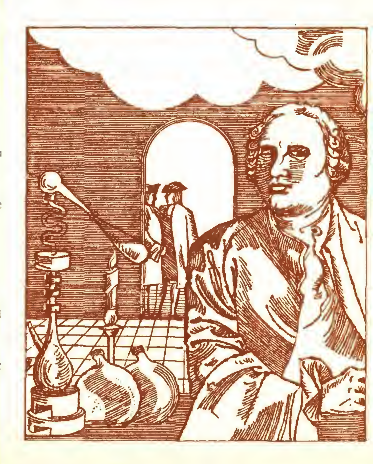
А речь его красна на диво,
Подвешен хорошо язык!
Ведь кто трудиться не привык,
Тот говорит всегда красиво!

Взглянул на Тауберта Миллер,
На Миллера взгляд бросил тот,
Единодушно заключили:
На нашу мельницу он льет...

Страшнее ворога предатель,
Который к тем, кто посильней,
Свое, родное все утратив,
Переметнется от друзей.

ВЕЛИКИЙ ДАР

Да разве дело в том, кто первый,
Какой принадлежит стране?
Приоритетов шумных перлы
К чему, сказать по правде, мне?

Служить бы без оглядки людям
Планеты всей. На том стою.
Неужто мы считаться будем,
Принесши толику свою?
Мы не цари, и нам не нужно
Дворцы границей ограждать,
Не лучше ль ограждать нам дружбу —
Деяний всех прекрасиых мать!

Но не ходи в моря большие,
Когда ты в малых не ходил.
Не полюбив края родные,
Любить весь мир не хватит сил!
И научитесь для начала
Любить березу, речку ту,
Что на волнах своих качала,
Как колыбель, твою мечту;
Сумейте земляка заметить,
Лицом к лицу встречаясь с ним.
Чем черт не шутит: в целом свете
Он, может быть, незаменим!
Доколе будет так в России:
Коль имя русское, оно
Звучит как будто некрасиво,
Будь хоть пророком, все равио!..
Принадлежат слова Ивану —
И все слыхали, он сказал, —
А их припишут Антуаиу,
Засим его на пьедестал...

※

Ничто и никогда в природе
Не исчезает без следа.
Жизнь как уходит, так приходит,
Материальная всегда!
Кто знает, может, надо было
Черту столетьям подвести,

Чтоб истииу с такою силой
И простотою обрести.
И, может быть, сказавши это,
Декарт бессмертиый распахиул
Окошко в солиечиое лето
И воздух грудью всей вдохиул...
Идет вот этот мир прекрасиый
Своим иезыблемым путем,
Согласиы мы иль ие согласиы,
Пойдем за иим иль ие пойдем.

*

Шел век за веком, и прозреиье
Вдруг объявлялось слепотой,
Вдруг возводилось в преступлеиье
Пред олигархией святой.
Богоотступииков рисуя,
Стояли иад костром дымы,
Чериь буитовала, голосуя,
Нет, ие за свет — за царство тьмы!
Своих пророков изгоияла
Оиа, кидая камии в иих...
Как будто ей иедоставало
Оков и крепостей глухих.
Михайле иадо было толком
Измерить, взвесить, доказать
Ретортой чуткой, лупой зоркой,
Чтоб также самому сказать:
«Ничто и иикогда в природе
Не исчезает без следа.
Жизиь как уходит, так приходит,
Материальиая всегда!»

Пусть правду, сказаииую миою,
Крамольиой завтра иазовут,
И, сговорившись за спииою,
Меия к ответу призовут,

Отречься от нее предложат:
У них короткий разговор,
В Россни добродушиой тоже
Бросать умеют иа костер.
Но что бы ин случилось с иами,
И как бы ии зажалн рот,
Своими вечиыми путями
Жизнь бескоиечная идет.

Не угадали вы, профессор:
Миогострадальиый ваш закои
Никак не тронул мракобесов,
И ие задел ученых он!
«Возможно ль, чтоб у иас, в Расее,
Какой-ибудь родился свет!
Ведь где ие сеялись ндеи,
Там жатвы ие бывает, нет!
И Ломоиосова открытье
Не открывает ничего.
Нет, ие назвать иикак событьем
Богоотступиый труд его!»

Но разве ие уловит взором
На целом свете кто-ннбудь
Того, что ярким метеором
Успело иад землей блеснуть?
За сотии верст его заметил
Глядевший вдаль Лавуазье...
И лишь теперь иа всей плаиете
Об этом свете зиалн все.
Приятиее в устах чужого
Российским иемцам сей закон,
И шлют приветствеииое слово
Из Петербурга за кордои.
Неважно, что фраицуз известиый
Почти и иамекал порой,
Что в этом торжестве чудесиом

Не он вина, не он герой,
Лишь взгляды разделил другого...
Но и подумать не хотят,
Когда уж мнение готово
И ты для всех высок и свят.

ГРОМ БЕЗ ДОЖДЯ

...Такая на дороге пыль:
Идешь, как будто по подушкам,
Плывут, цепляяся за шпиль,
Большие тучи в небе душном.
Хотя бы капелька одна
Упала на сухую землю...
И куры что-то у окна,
Не как всегда, к дождю не дремлют.
Сверкнули молнии, скрестясь,
Точь-в-точь наточенные шпаги.
Насторожился мир, дивясь
Святых архангелов отваге.
— Смотри-ка, Рихман, вот когда
Там электричества громады.
Не дымным воском города,
А вот чем освещать бы надо!

Скорее по своим домам[1],
Нас ждут машины громовые, —
И что сегодня скажут нам
Они в истории впервые?

Михал Васильич побежал
К усадьбе чуть ли не рысцою,
Спеша, он тяжело дышал...
Запахло в воздухе грозою.

Из-под железа брызги искр
Блестят и гаснут светляками.
Михайло на свой страх и риск
Хватает молнию руками.

Вблизи перевернулся гром,
Взорвал он воздух канонадой.
Бревенчатый тряхнуло дом,
И где-то загорелось рядом.

— Эй, к Рихману бегите! С ним,
Мне чудится, случилось горе!..
«Вдруг ты упал, огнем палим,
Стихии злой не переспоря!..»

...Кто знал, что в этом человеке,
Суровом для врагов всегда,
Тепла разлиты были реки:
Беда других — его беда.
И он то к графу Воронцову,
А то к Шувалову идет:
— Детишки Рихмана без крова...
Одежды нету у сирот!

---

[1] В домах Ломоносова и Рихмана самими учеными были установлены самодельные громовые машины из-за отсутствия лаборатории.

Не для науки ль их родитель
Погиб, когда вы от окна
Подальше отошли, увидев,
Как молний движется стена!
Забившись в уголок, крестились:
«О боже, мимо пронеси!»
Когда мы насмерть с ним трудились
Не для себя, а для Руси!
Но отвечал на то игриво,
Собой любуясь, Воронцов:
— Еще отделались счастливо:
Один остался жив-здоров!
Ах, батенька, куда полезли?
На бога руку поднимать!
Гораздо было бы полезней
Пред громом на коленки стать!
— Я рад поверить в черта даже,
Но что поделать, граф, когда,
Когда исследованья наши
Не говорят ни «нет», ни «да»?
Вам повезло, что вы незрячи,
Сужденья нету своего,
А кто ничем не озадачен,
Сомненья не грызут того!
— Ты говоришь с великим чувством,
Мой друг, о небе и земле.
Но несравненно ты искусней
В литературном ремесле!..

На том и кончились старанья,
Лишь больше он врагов нажил.

И вот однажды утром ранним,
Когда снежок уж порошил,
Он завернул в семейство друга.
Подняв детишек на плечо,
Поцеловал их горячо

И в путь отправился сквозь вьюгу.
А рядом скорбная вдова,
Напрасно в мыслях подбирая
Для благодарности слова,
Брела безмолвно, как немая.
Детей в усадьбу он принес:
— Вот этот дом — ваш дом, ребята!
Главу держать повыше надо,
Не задирайте только нос!..

ЗАРЫТОЕ БОГАТСТВО

Михайло, за работой сидя,
Глотками черный кофе пил.
— А я сквозь ставни свет увидел,
На огонек зайти решил... —
Промолвил Дормидонт, не смея
От двери в комнату шагнуть.
Михайло с искренностью всею
Его встречает: «Гостем будь!
Садись! Как раз я ставлю точку...»
На Ломоносове, как снег,
Льняного полотна сорочка.
«Такую встретишь не на всех, —
Гость мельком для себя отметил. —
Вот это дельная жена...
Так мать печется лишь о детях...
Видать, душевная она...»

— Вот видишь, друг, над чем ломаю
Дурную голову свою:
Проект подробный составляю,
В сенат с прошеньем подаю,
Чтобы во все концы России
Мастеровых послать людей,

Всю землю жилы золотые
Обволокли с древнейших дней.
Мне письма пишут отовсюду,
Породы шлют... Вон, на столе!..
Российскому понятно люду,
Какая мощь лежит в земле.

Служитель трогал мннералы
И пробовал на вкус, на цвет.
— А говорят, в Россни мало,
Почти совсем богатства нет!..
— Да, да! Завода три нмеем
И рады уж почтн до слез:
«Ах, в иашей лапотной Расее —
И сколько меди роднлось!»
Да кто сказал, что худосочна
Земля велнкая вовек?
И кто тот скверный человек,
Сиабдивший картой нас порочиой?
Какой-то прншлый негодяй,
Увитый лаврами «учеиый»
Оклеветал иаш отчий край,
Поправши честности законы,
Набив утробу, как свинья!
Кому-то, видио, иужно это,
Чтоб дольше родииа моя
Была разутой и раздетой,
Чтоб деревянною была,
Когда соседние державы
Железиой потрясают славой,
Щетиияcь и бесясь от зла!

Открыть бы все земные клады,
Достать железо, уголь, иефть,
Что залегли, где гор громады,
В российской иашей стороие.
Был измеиен бы нищий облик
От моря к морю всей земли,
Там, где вчера в болотах топли,
Могучие б сады цвелн.
Вот карта, сделаииая мною,
Какие где богатства есть,
Что подарит ядро земиое!
Подарков всех ие перечесть.

Ведь где уронишь каплю пота,
Там серебро взойдет тотчас.
В земных слоях,
как в дивных сотах,
Янтарь сияньем встретит нас.
Но сыновей, к труду любезных,
Немного подучить бы нам:
Ведь надо знать, что суть полезно,
А что в природе просто хлам.

Взъярились «мудрецы» в сенате:
Всю землю вздумал ковырять!
С ума профессор знатный спятил,
Расходы, хлопоты опять!
А пользы... Посчитай, пойди-ка,
Уж больно Ломоносов скор!
Всегда с какой-нибудь «великой»
Идеей носится помор.
Да мало, что ли, на Урале
Заводы всякие дымят!
Он хочет, чтобы все искали
Везде какой-то «божий клад»!
Нет, хватит одного помора!
Один — и то ведь жить нельзя!
И что ни день — чинит раздоры,
Расправой каждому грозя.
А что касается вопроса
Золотоносных скрытых жил,
Тут прав, пожалуй, Ломоносов,
Кладя на это столько сил.
Неплохо золото для кружев...
И можно группу снарядить...
Пусть для отечества послужат.
За это нас не осудить!

Михал Васильич, улыбаясь,
Шел свежим берегом Невы.

Волна, дремотно просыпаясь,
Была небесной синевы.
Еще сторожевые башни
Кой-где не погасили свет,
И тьма живет еще вчерашним,
Цепляясь слабо за рассвет.

Но тщетно. Брызнула лучами
Адмиралтейская игла,
И, зябко поводя плечами,
Уходит сумрачная мгла.
«Ага, вступает свет в работу!
Тьма расступается без сил! —
Как бы своим недоброхотам
Михал Васильич говорил. —
У вас глаза, но вы незрячи,
А я двадцатый вижу век,
Дышу его порой горячей,
В том веке свой я человек.
Я вижу, как из недр глубоких
Рванулись в воздух корабли,
Простором чистым и широким,
Как будто молнией, прошли.
Я вижу землю — сад плодовый,
И дружбу вечную племен
В сиянье солнца золотого
Взамен разрозненных знамен».

ЕГО ЗАБОТЫ

Горит оплывшая свеча,
Блестят слезами капли воска.
По белому листу строча,
Перо слова выводит броско:
«К вам обращаюсь скорбно я,
Иван Иванович Шувалов,

Душа истерзана моя,
Невмоготу и жить мне стало...
Идет на убыль русский люд.
Нехватка и лекарств и хлеба,
Когда мы вьем себе уют
Под розовым столичным небом.
Просторов мало на Руси?
Веками степи наши дремлют, —
Пойди, засей и всласть коси,
Ждут новоселов эти земли!
Лишь дайте волю мужику —
И зацветет пустыня скоро,
Он может повернуть реку,
И может своротить он гору.
Скажите, есть еще страна
Обильней матушки-России?
На мир хватило б полотна,
Что соткала она одна,
А здесь раздетые, босые...
В стране леса стоят стеной,
Лесов таких не сыщешь в свете,
Но снежной лютою зимой
В домах холодных мерзнут
дети...

Я в этих дерзостных строках
Хочу вас наконец заверить:
Коль на засовах в тюрьмах двери,
Деяньям царским близок крах.
За то, что мыслят по-иному,
Не можно живота лишать,
Судьбу безжалостно решать,
С семьею разлучив и домом.
Не хватит и Сибирей нам!
Заставить мыслить по ранжиру!
(И это ли не стыд, не срам
России на глазах у мира!)
Не хватит рук у палачей,
Не выдержат страданий дыбы.
Я знаю, нет таких ночей,
Что задержать рассвет могли бы!

Светлейший друг, скажу притом:
Природа лишь тогда прекрасна,
Когда во всем она, во всем —
В цветах, в мечтах —
разнообразна!»

Вошла в который раз жена
И села рядом тихо-тихо...
Ей тоже, видно, не до сна,
Когда ему бывает лихо.
С июльской теплотой листвы
Коснулись плеч ее ладони,
Коснулись жаркой головы:
— Уже рассвет, и в церкви звонят!
Ты отдохнул бы... Ну, приляг!
Уже вон и свеча доходит...
Ну, всякий мелочный пустяк
Тебя так из себя выводит!
Наверно, кто-нибудь опять
Сказал, чтобы обидеть, слово.

Не надо так переживать,
Мой дорогой... Ты мой суровый!
У нас, Михайло, дочка есть,
Поберегн свое здоровье!
Со всякнм на рожон не лезь...
Морщинка вот еще...
Над бровью...

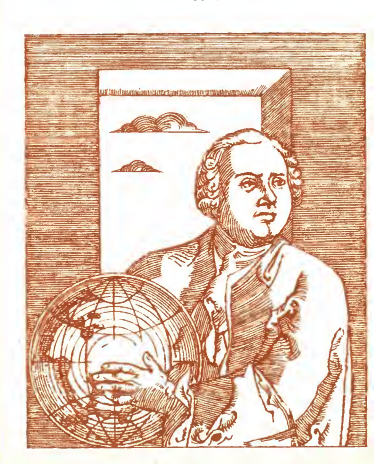
— Послушай, Лнзонька, прочту, —
Читал послание иа память,
Рубил слова он иа лету
Неукротимыми руками.
— Потнше, дом разбудишь весь!
Покоя иет ни днем, ни иочью...
— Ты виднщь, Лиза, я вот здесь
Судьбой иарода озабочеи,
А царскнй двор спокойно спит,
Усталый после всех прнемов...
И ходит стража — верный щит—
У короиованного дома.
Там полагают, всех умией
Они, пригретые царицей,
И ие считают за людей
Того, кто за стеной толпится.
Но честь страны лежит иа нас,
Пускай одежды ветхи, серы.
А те, кто иаверху, — балласт,
Влюбленный лишь в себя без меры.
И, может, даже ие прочтут
Письмо сердечиое иа троне,
Моих волнеиий ие поймут,
Послаиье никого ие тронет...
И все ж правительство —
ие вы,
А мы, ие зримые царями,
Мы не склоияем головы
В глазах нсторьи перед вами!

(Михал Васильич, дорогой!
Тревожиться совсем не надо!
Хотя возможен ли покой,
Когда на свете непорядок?
Насчет письма не тратьте сил.
Мы адресатами не нищи.
Его, слыхал я, получил
Бесстрашный Александр Радищев.
Он произнес хвалу свинцу,
Довольно внятно намекая,
Чтобы по Зимнему дворцу
Прошлась мортира полковая...)

СХВАТКА

Он, обнимавшийся с волною,
Как с яростным, гривастым львом,
Палимый холодом, что зноем,
Сквозь ветер шедший напролом,
Простой, земной, обыкновенный,
Он, самый рядовой в ряду,
Сбивавший об утес колена,
Отлично цену знал труду!
Он, помышлявший о высотах,
Чтобы в гостях побыть у звезд,
Мечтавший о воздухолетах,
Поймавший молнию за хвост,
Он, услыхавший рокот гулкий
Подземных благоносных сил,
Где злато, словно бы в шкатулке,
Которое весь мир копил,
Где, приложив умело руки,
Получишь уголь, нефть, руду,
Он, съевший соли пуд в науке,
Отлично цену знал труду.

Он, распознавший атом-чудо,
Вперед взглянув на сотни лет,
Защитник крепостного люда,
Свидетель всенародных бед,
Был страшен тем, кого, бывало,
С поличным за руку ловил.

Хлопот им доставлял немало,
За что и был всегда ие мил.
И как не может побрататься
С врагамн честиый прокурор,
Так миогнм, миогнм туиеядцам
Не мог быть другом
«злой» помор.

...Заносчнвый, иадмеииый Шлёцер
Пожил в России года два,
Откуда, где и как прндется,
В тетрадь повыписал слова
И порешнл: прнспело время
Пнсать грамматику ему,
Учнть иевежествеиио племя
На русском разуму-уму.
Труды, что Ломоиосов создал,
Назвал работой чериовой,
Иначе — кирпичами просто,
Из коих храм построит свой.
И обозвать посмел иевежей
Того,
кто был такой один, —
Кто ветром севериым и свежим
Прошел по темноте трясни
Гннлых, застойных толковаиий
В мудреной путаиице дней,
Кто забнрался в мнрозданье,
Как Шлёцер в комнате своей.

И Ломоиосов наш царнце
Челом покорно в иоги бьет!
Ее он молит заступиться
Не за себя, а за народ.
Ее он матушкой Россин
Сегодня называть не прочь,
Дабы ему в года лнхие

Прншла бы чем-ннбудь помочь.
Не для себя, а для Отчнзны
Для завтрашннх,
грядущнх дней
Согласен претерпеть от жнзнн
Все омерзнтельное в ней:
Насмешкн, даже уннженья
От злобой пышущнх врагов,
Стоять согласен на коленях
Перед престолом
бог богов!
Но легче от знмы добнться
Тепла, когда трещнт мороз,
Чем снисхожденья от царнцы,
Не слышащей мольбы н слез.
Она не матушка Росснн,
Скорее мачеха ее,
В любнмчнках у ней другне,
А здешннм детям не жнтье.

И становнлся взгляд угрюмым,
Суровым н усталым рот.
Мнхал Васнльнч чаще думал:
Не сбросншь этот тяжкнй гнет.
И тщетно он сгорает в драке,
Напрасный чаянья н труд, —
Умрет он, недругн-собакн
Все думы в клочья разорвут.
И не узнать уже потомкам,
Над чем старался век помор,
Прндя с одной худой котомкой
В Москву нз дальннх Холмогор.

Где отыскать сейчас опору,
Когда пустыня лншь вокруг?
И поросль юная нескоро
Взойдет на поприще наук.

Но чем враги его спесивей,
Тем будет беспощадней он,
Найдет в себе Михайло силы;
Он русскою землей рожден,
Не привыкать с морской стихией
Вести неравный долгий бой...
И перед недругом России
Он не поникнет головой!

⁂

Из Академии несутся
Перемежаясь голоса:
— Невежда вы!
— Гусак вы куцый!
— Петух крикливый!
— Вы лиса!
Слышны любезности из окон,
Здесь брызжут страсти через край.
И диспут так зашел далеко,
Что хоть водою разливай.
Стремится Тауберт ретивый
Внушить собранью, доказать,
Что «Шлёцер наш трудолюбивый
Сумел открыть... Сумел сказать...»

Встает Михайло Ломоносов:
— Да, он по-новому сказал,
Немало разрешил вопросов. —
Невольно притихает зал. —
Он говорит, что слово
«русский»
Произошло от корня «прусский»,
Такое имя, как «Иван», —
От скандинавского «Норман»...
Зашевелился даже Миллер,
Тараща в рукопись глаза.
Все недруги главы склонили,

Как будто блнзится гроза.
— В стране вы без году неделя,
И нас по-русски обучать?!
А мы, что пришлый
ни намелет,
Хвалы готовы расточать!
Профессору ответнл Шлёцер:
— На мужиков своих крнчн!
Раз вам язык свой не дается,
Придется нам вас обучнть... —
Ему захлопал кто-то справа:
«Под корень Шлёцер подрубнл!»
Еще мннута — хлынет лава
Хлопков сиятельных светнл.
Но рано кое-кто смеется:
Укрощена мгновенно прыть.
— Вы обучать пришлн нас, Шлёцер,
Прошу на русском говорнть!
Скажнте, что такое граблн? —
Споткнулся у того язык,
На лбу блеснулн пота капли,
И на затылок сполз парнк.
— Глубокочтнмый председатель, —
Истошно Шлёцер завопнл, —
С меня довольно издевательств,
Все слушать не хватает снл!
— Вам, ясно, не под снлу русскнй,
Тогда прошу сказать, мой свет,
В латынн, может, вы нскусны,
Поскольку вы языковед?

И Шлёцер раздраженным тоном
Ругаться по-латыни стал,
Да так смешно, так искаженно,
Что не сдержался, прысиул зал.
Языковед рванулся к двери,
Михайло прокрнчал вослед:

— Остановись! Не в полиой мере
Поговорил с тобой, мой свет!
Почем в Швейцарии пушнииа?
Почем в Британьи русский лес? —
Но Шлёцер показал лишь спину
И под молчаиие исчез.

Как после жаркого сражеиья,
Михайло ворот расстегиул.
Тут, подбирая выражеиья,
К иему подвииувши свой стул,
Заговорил слащаво Миллер;
— Ошибся в человеке я.
В глаза мие подпустил он пыли,
Не скроешь...
Были с иим друзья...
Ои приносил моей супруге
Гвоздики по воскресиым дням...
— Что ж ие печетесь вы о друге?
Вступиться иадо было б вам!

ГОСТЬ

Калитку дергал за кольцо
Мужик угрюмый с палкой толстой.
Хозяйка вышла иа крыльцо,
Худая, иебольшого роста.
— Я к Ломоносову пришел! —
Слова хозяйка подбирая,
Сказала: — Можио... Хорошо...
Земляк? Из одиого с иим края?
Войдите, — пригласила в дом,
Засуетилась хлопотливо:
— Мы тоже вот Михайлу ждем,
Садитесь... А хотите пива? —
И кружку пениую на стол.

Гость отодвинул угощенье,
Мол, нешто я к тебе пришел?
Она зарделась от смущенья.
Он мрачно размышлял о ней:
«Уставила свои гляделки...
Не хочется на вас, чертей,
Смотреть за ваши все проделки!
У иноземцев курс один,
Вы скреплены единой кровью,
Наверно, будешь до седин
Михайле подрывать здоровье...
Какого человека вы
Презреньем окружили, злобой!
Такой разумной головы
По свету поищи, попробуй!»

Хозяин показался тут,
Ногами тяжело ступая:
— Меня здесь, Лиза, гости ждут?
Ах, боже, радость-то какая!
Никак, земляк, Иван Шубной!
(Друзья тотчас расцеловались.)
— Ты все такой же молодой,
Как будто мы не расставались!
— А ты немножечко устал...
Не помнишь о здоровье, Миша!

— Нет, старнна, я старым стал,
Счнтай, уже в отставку вышел...

Из комнаты другой внесла
Жена с подошвой мягкой обувь.
— Ну, как жнвешь? Ну, как дела?
Что ж пнво ты не пьешь! Попробуй!
— Михайло, знаешь, дело есть... —
Шубной — на стол рнсунков гору.
— А ну-ка, что мы вндим здесь?
Ах, ночью белой Холмогоры!
Да это ж здорово, глядн...
Кто мастер?
— Мой Федот...[1] Годнтся?
— Давай, ко мне его ведн!
— За тем-то н прншел в столнцу.

За часом мннул час второй,
Поморы юность вспомннали,
Пускай нескладную порой,
Но разве помнятся печалн?

Ладонью бороду утер,
Заговорил Шубной лукаво:
— Дошла до нас, до Холмогор,
Твоя, Михал Васильнч, слава.
Не любншь будто, говорят,
Ты академиков нерусскнх.
— Откуда взял ты это, брат!
Ужель такой мой разум узкнй?
И нешто Рнхман был врагом?
А кто его снрот приветил?
Для ннх роднмым стал мой дом,
Не чувствуют сиротства детн!
А разве Эйлер — ворог мой?

[1] Федот Шубин — в будущем великий скульптор.

Когда б не он, меня не знали,
Пожалуй, и в стране родной.
...Тепловы, Шлёцеры едва ли
Сказали б про мои труды, —
Они их заживо хоронят,
Молчат, набравши в рот воды,
Хулы, и той ведь не проронят,
Чтоб безопаснее пастись
В моих замолченных открытьях,
И кормятся чужим всю жизнь.
Могу ли этот сброд любить я!

Ну, а моя, Иван, жена?
Мне вовсе с ней не одиноко,
А ведь не русская она!
Взгляни, состарилась до срока...
Подумай хорошенько сам,
Нетрудно в этом разобраться:
Я только бью по подлецам
И никогда по чужестранцам.
И если уж пошло на то,
Я ль нападаю? Я в защите!
Ведь я один, а против — сто.
Стать на колени? Нет, простите!
Избави бог! Они за это
Тебя преследовать начнут,
Начнут тебя сживать со света,
И мало что поможет тут.
В ход бросят все вооруженье:
Подкоп, подсиживанье, лесть —
И каждое твое движенье
Сумеют с точностью учесть.
А спайка; все за одного,
Один за всех...
Тягайся с ними!
А ты посмотришь — никого,
Кругом бездушная пустыня.

Руки тебе не даст Теплов,
Перебежал он в лагерь вражий.
Такой тебя продать готов,
Назвать врагом Отчизны даже!
Где взять поддержку нам?
Ну, где?
Тредиаковский осторожный
Не станет помогать в беде:
«В опалу угодишь, возможно!»
И нас поодиночке бьют.
Притом, кому черед не вышел,
Они с тем пиво вместе пьют,
Спят под одной
по-братски
крышей...
— Зачем их только Петр Великий
Сюда завез! — сказал Шубной. —
Отдал в полон иноязыким
Народ не чей-нибудь, родной!
— Те иноземцы не такие.
Они хотели всей душой
Не вставшей на ноги России
Помочь вступить на путь большой.
Тем надо памятники ставить
За бескорыстный, честный труд.
Не пожалели те оставить
На благо русских сердце тут.
Но по тому святому следу
Направили свои стопы
Другие, уж не то, что деды,
До крови жадны, что клопы.

Великий русский мой народ,
Да не отдай бразды правленья
Тому, кто в этот край идет,
Оставив отчие владенья,
«На ловлю счастья и чинов...»

«НЕТ, ВЕСЬ Я НЕ УМРУ...»

Лежит он в стираной сорочке...
А за окном бурлит апрель,
И слышно, лопаются почки,
Секундам счет ведет капель.
Глаза закроет — мерно, валко
Качает, будто бы волной,
Дремоту навевает прялка,
Жужжит, как улей, за стеной...

Больной откинул одеяло,
Прохладой осушило лоб.
Едва минута миновала,
Опять озноб, опять озноб...
И снова пульса перебои,
В глазах рябит от темноты.
Я знаю, сердце, что с тобою,
Я знаю, как устало ты...
Ты словно раненая птица,
И тяжело поднять крыло.
И как еще ты можешь биться,
Ведь ты давно сгореть могло!

Чредой проходит год за годом
Неравной, длительной борьбы

Во славу русского народа,
За торжество его судьбы.

А у ворот у Воскресеиских
В литавры били в этот час:
Для праздиеств осиованья вески,
В Москве такое первый раз.
Открытие уиииверситета
Проходит в праздиичиой Москве...
И чуть не с самого рассвета
Скворцы резвятся в сииеве.

. . . .

...Учеиые в иарядах строгих,
Учеиики из Спасских школ
И гости, только что с дороги,
Иной десятки верст прошел.
В иеловких зипуиах крестьяие,
Проездом бывшие в Москве,
Судили издали собраиье,
Расположившись иа траве.
Все: и купец и даже иищий —
Не пропустили торжества.
Блестели в дегте голеиища
В тот ясиый деиь у большииства.

С фасадов стеи изображеньем
Шувалов сверху вниз глядел,
Желал успешиого учеиья,
Усталый от забот и дел.
Как будто русский храм иауки
Обдумал ои и осиовал,
И должеи славить стар и мал
Его иатружеииые руки.

И гордая стояла здесь
Семья ученых Петербурга:

Теплов, раззолоченный весь,
Шумахер с Таубертом юрким.
Но только не было того,
Кто в жизни с самого начала
Не для кармана своего,
Не для того, чтобы звучала
В устах фамилия его,
Мечтал о том, когда в народе
Потухнет раболепья страх,
И сил, которых не находим,
Найдем мы в мудрых букварях,
И будет виден свет России
За тридевять земель вокруг!
И вот его не пригласили
На торжество.
Забыли вдруг.
Хотя бы, что ли, ради жеста
Высокий пригласил совет
Его, наметившего место,
Где встанет университет,
Какие в окнах будут рамы,
К тому же цветники везде,
Какие надобны программы
И факультет какой и где...
Его, кто обивал пороги
Шувалова, прося, моля,
Чуть ли не кланяяся в ноги:
Мол, просит русская земля,
Похлопочите пред царицей, —
Науки красят бытие,
Могу, хотите, помолиться
За ваше здравье и ее!
...Забыли вдруг, не пригласили,
И, может, сердце оттого
Все реже бьется, обессилев,
Не упрекая никого.

— Поповский, говоришь, какой-то?
Впусти же, Лизонька, скорей!
Да створку наконец открой ты,
Я не простыну, вот ей-ей!
Садись, Николенька, спасибо,
Не забываешь старика...
Печален ты? Стряслось что-либо?
Иль просто из-за пустяка?
А, понимаю... Что ж ты это?
Еще настанут времена —
Не только университетам
Присвоят наши имена.
Все на Руси, где сердца пламень,
Где вложен жар моей души,
Все, все содеянное нами,
Как нашу славу ни души,
В веках за нами остается
Недоброхотам на беду,
Уже в столетиях поется
Гимн беззаветному труду.

Не складывай, Никола, руки,
И сей добро — оно взойдет!
И с благодарным словом внуки
Пожнут его в какой-то год.
Лишь тем я ныне озабочен:
Вдруг мой живой, горячий труд
Глупцами будет позолочен,
Его «святыней» понесут,
Хвалы безмерно расточая,
И несогласных всех со мной
В особый списочек включая
Иль обходя их стороной.

Хочу я, дорогие люди,
Чтоб спорили со мной всегда!

Пускай уже меня не будет,
Вы спорьте, это не беда!

*

Сверкают мраморные грани,
Купаясь в утренних лучах.
Возвысилось, как сказка, здание
На тихих Ленинских горах.

А горы издали — подкова,
Что опоясала Москву.
Гордится дом красой суровой,
Звездой прорезав синеву.

Сюда вошли якут и немец,
И для француза путь открыт,
Здесь и рыбак с Янцзы, что, пенясь,
Обняться с Волгой норовит.

Как всенародной дружбы слиток,
Сияет университет.
И в даль, что сумраком покрыта,
Он посылает мирный свет.

А ночью смех и фейерверки,
И в платьях пестрых, как цветы,
Недавнишние пионерки,
Своей стесняясь красоты,
Идут студентки...
И веселье
Не смолкнет до утра теперь.

Сегодня праздник — новоселье,
Распахнута радушно дверь —
Открытье университета, —
И трубы медные поют,

В ответ в летах минувших где-то
Лнтавры голос подают.

И он, тогда ие приглашеииый,
Пришел сюда издалека,
Стоит
        родной,
                живой,
                        влюблеииый,
Над иим проходят облака...

Ои встал на площади, как слепок
Судьбы народа моего,
Что в счастье сдержаи, в горе крепок,
Не троиь —
                ие троиет иикого!

1950—1955

СОДЕРЖАНИЕ

Марков Алексей Яковлевич

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Поэма

Редактор *А. Меньков*
Художник *Б. Эм*
Художественный редактор *Б. Мокин*
Технический редактор *В. Никифорова*
Корректор *Н. Саммур*

Сдано в набор 11/I 1973 г. Подписано к печати 19/II 1973 г. А02039. Формат бум. 70×90¹/₃₂. Бумага офсетная. Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,93. Уч.-изд. л. 3,4. Тираж 50 000 экз. Заказ № 288. Цена 50 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР. 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4.

Фабрика офсетной печати управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас свои отзывы о книге, ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении направлять по адресу:

121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4, Издательство «Современник».

50 коп.

«СОВРЕМЕННИК»